

Внезапный порыв ветра ударил в глаза. Стоило моргнуть и открыть их снова, как перед глазами предстал Император государства Мин, которого Цюй Мин приподнял одной рукой за горло, намертво вцепившись в его дыхательное горло. Шан Ду бросился вперед, но сумел лишь свести схватку с Цюй Мином к ничьей.

Гу Цинчжи с наигранным презрением скривил губы: «Ишь ты, а еще воображал себя невесть каким грозным теневым стражем, а в итоге красавец уложил его на лопатки — позор-то какой».

Хотя за шею трясли Императора государства Мин, на его лице не было ни малейшего следа страха. Будучи человеком с весьма неплохими боевыми навыками, он даже не пытался сопротивляться, а лишь спокойно наблюдал за обменивающимися ударами Цюй Мином и Шан Ду, да еще и доброжелательно подсказывал:

— Одной рукой неудобно сражаться, лучше отпусти меня сначала, я клянусь, что не побегу.

Гу Цинчжи бросил на него мимолетный взгляд — вид у государя был такой, будто он пытался обмануть даже духов.

Цюй Мин презрительно фыркнул носом, неуловимым движением рук сбил Шан Ду с ног, а затем сделал резкий подсекающий взмах ногой, так что Шан Ду пластом распластался на земле прямо под его сапогом. После этого он перевел взгляд на Императора государства Мин и холодно бросил:

— Отпусти людей.

Император государства Мин тихо рассмеялся, но его смех, пережатый пальцами Цюй Мина на горле, звучал хрипло, как сломанные мехи, из щелей которых свистел воздух:

— Ты уверен, что я должен его отпустить?

Цюй Мин нахмурился.

Гу Цинчжи с досадой вмешался в разговор:

— Уж больно у нашего Императора расчетливый ум. Сначала переломал мне руки и ноги, так что теперь я и шагу ступить не могу.

При этом он всем телом качнулся, пытаясь поудобнее устроиться, отчего тут же зашипел от боли, покрылся холодным потом и принялся жалобно и глупо строить глазки Цюй Мину, вызывая у того жалость. О боги, стоило появиться красавцу, как он тут же превратился в обиженного «героя»! И не спрашивайте, какого еще героя — просто бесстыдства в нем было через край.

Взгляд Цюй Мина упал на Гу Цинчжи. По правде говоря, он испытывал легкое отвращение и в

то же время изумление перед столь невероятной человеческой хрупкостью. Не прошло и минуты с тех пор, как он отлучился, а этот непутевый умудрился изуродовать себя до такого жалкого состояния — поистине выдающийся талант. Впрочем, как бы он ни презирал его, забирать человека все равно придется. Цюй Мин бесцеремонно толкнул Императора государства Мин вперед, заставляя послужить опорой для Гу Цинчжи, а сам свободной рукой принялся развязывать веревки на запястьях парня.

Тем временем Шан Ду единым прыжком поднялся с земли и снова сцепился с Цюй Мином в ожесточенной схватке, из-за чего подвешенный в воздухе Гу Цинчжи заходился в надрывных криках боли.

Император государства Мин тихо усмехнулся, а затем сделал резкий жест рукой. Из темных углов тюрьмы один за другим выскочили многочисленные лучники.

— Цюй Мин, — произнес он, — я знаю, что ты невероятно силен, и даже Шан Ду тебе не ровня. Но что насчет Гу Цинчжи? Сколько он протянет на последнем дыхании? К тому же у него переломаны все суставы, и если ты потащишь его с собой, каждое движение будет причинять ему невыносимую боль! Кстати говоря, эти лучники будут стрелять не в тебя — они убьют Гу Цинчжи.

Он прекрасно осознавал грозную силу Цюй Мина, а потому, когда они окружали Резиденцию заложника, привел с собой столько теневых стражей, надеясь хотя бы сковать его движения, раз уж победить в открытом бою было невозможно. На крайний случай у него оставались целые легионы солдат, чьей единственной задачей было убийство Гу Цинчжи. В таком случае Цюй Мин оказался бы связан по рукам и ногам и был вынужден сдаться. К сожалению, тогда Цюй Мина на месте не оказалось, но теперь этот план сработает точно так же.

Цюй Мин в упор смотрел на Императора государства Мин, и в его груди бушевало пламя ярости. Будучи судьей Цюй Мином, он вел собственную Книгу жизни и смерти, где скрупулезно фиксировались все людские заслуги и грехи, а его задачей было лишь забирать тех, кому пришел срок умереть. Он и помыслить не мог, что люди способны пасть до такой степени мерзости, которую не описать жалкими строчками из Книги жизни и смерти. Он твердо решил вернуться и расспросить Яньвана о том, кто именно составляет эту Книгу жизни и смерти, отыскать этого писаку и, уж будьте уверены, забить до смерти ради улучшения литературного стиля.

Император государства Мин улыбнулся и попытался с трудом повернуть голову, чтобы взглянуть на Гу Цинчжи, но Цюй Мин держал его за горло слишком крепко, не позволяя шевельнуться. Ему пришлось лишь скосить глаза в сторону Гу Цинчжи, и он с усмешкой произнес:

— Я не настаиваю, можешь подумать не спеша, только... Гу Цинчжи вряд ли сможет долго ждать...

— Если Наследный принц погибнет, неужели Император надеется выжить? — с презрением бросил Цюй Мин, угрожая холодной маской на лице.

Император государства Мин покачал головой:

— Я вовсе не хочу умирать, но и Гу Цинчжи может остаться в живых — все зависит от того, как ты поступишь!

Цюй Мин грубо швырнул государя прочь — хоть тот и был императором целой страны, в его руках он выглядел не лучше старой тряпки, — и шагнул к Гу Цинчжи. Подхватив его на руки, он принялся торопливо развязывать путы, крепко прижал к себе и только тогда повернулся, отдавая приказ:

— Говори.

Хотя Император государства Мин выглядел потрепанным, Гу Цинчжи был вынужден признать, что в нем по-прежнему жило величие истинного владыки — этот человек превосходил и старого императора государства Юэ, и Го Миньчжи во много раз.

Император государства Мин заговорил:

— Цюй Мин, государство Юэ лишило меня семидесяти тысяч солдат, и теперь я хочу, чтобы ты и те двенадцать воинов Армии Хубэнь в темнице стали генералами государства Мин и помогли мне завоевать Государство Янь. Одержите победу — и ты сможешь забрать Гу Цинчжи куда угодно. Проиграете — Гу Цинчжи останется здесь платить жизнью.

Он перевел взгляд на Гу Цинчжи и чеканя каждое слово добавил:

— Более того, я требую, чтобы Го Миньчжи лишился власти. Вы оба уроженцы государства Юэ, об остальном я не прошу.

Гу Цинчжи к тому моменту уже окончательно одурманила боль, хотя глаза его все еще широко раскрыты и удивительно ясные. К сожалению, соображать он был не в состоянии, и стоило Цюй Мину хоть немного шевельнуться, как он тут же выпускал жалобное шипение.

Цюй Мин испытывал к нему все большее раздражение: подума подумаешь, сломались руки и ноги — мужик, а скулит как девчонка. Но в объятиях он казался до того легким, что Цюй Мину даже захотелось взвесить его на руках, однако, опасаясь причинить ему еще больший вред, он с трудом подавил этот внезапный порыв.

Подняв взгляд на Императора государства Мин, он холодно бросил:

— Условлено. Как только состояние Наследного принца улучшится, Армия Хубэнь немедленно выступит в поход.

Император государства Мин парировал:

— Если назначить воинов Армии Хубэнь военачальниками выше, не боишься, что подчиненные поднимут бунт?

Цюй Мин лишь слегка изогнул губы в улыбке. Человек, который редко улыбался к тому же обладал столь привлекательной внешностью, в этот момент выглядел поистине потрясающе.

— Тогда я устрою показательную казнь для устрашения остальных! Император может не беспокоиться: даже если мне придется перебить всю минскую армию до последнего человека, ради Наследного принца Армия Хубэнь завоюет для вас Государство Янь.

С этими словами он подхватил Гу Цинчжи на руки и стремительно удалился, на ходу бросив через плечо:

— Да, и еще, будьте добры, отправьте в Резиденцию заложника нескольких лекарей. И верните мне моих двенадцать братьев — без них в Резиденции заложника мне станет скучно, и руки начнут чесаться перебить пару тeneвых стражей ради развлечения.

Император государства Мин неожиданно проявил несговорчивую уступчивость:

— Разумеется, я ведь тоже крайне переживаю за безопасность Наследного принца. Я сам жду не дождусь, когда он поправится, чтобы помочь мне покончить с Го Миньчжи.

Он совершенно не опасался, что Армия Хубэнь сможет сбежать вместе с пленником: в конце концов, состояние Гу Цинчжи оставляло желать лучшего, и без надлежащего лечения лекарей было неизвестно, удастся ли ему вообще выжить. Цюй Мин ни за что не стал бы подвергать его новым тряскам в дороге.

Резиденция заложника.

Прибывшие очень быстро лекари принялись за дело: пульсовая диагностика, составление рецептов, и вот уже в комнате весело заурчали горшочки, в которых заваривалось лекарство. На обратном пути, как только Гу Цинчжи почувствовал себя в безопасности, сознание покинуло его, и он погрузился в забытие. Осмотрев больного, лекари вынесли вердикт: старые недуги Наследного принца обострились, и полностью излечить их уже невозможно — сейчас главной задачей было лишь сдерживать болезнь и не давать ей прогрессировать. Что же касается переломов, то после наложения мазей и шин при должном уходе все срастется, ничего смертельного в этом не было.

Запах отваров стоял невыносимый, а во время вправления костей и наложения шин конечности постоянно дергали и крутили, и от этого сочетания удушливого лекарственного смрада и адской боли Гу Цинчжи быстро пришел в себя. Цюй Мин вкратце пересказал ему условия, о которых договорился с Императором государства Мин в темнице, подозревая, что тогда из-за помутненного рассудка тот вряд ли что-то расслышал.

Гу Цинчжи кивнул:

— Го Миньчжи сам ищет своей смерти, винить тут некого. То, что Император государства Мин согласился ограничиться устранением одного лишь Го Миньчжи — уже большая удача.

Внезапно он замолк, сбившись с дыхания, тихонько кашлянул, чтобы вернуть ровный ритм, и продолжил:

— Отправьте людей в государство Юэ и пустите там слух: будто Го Миньчжи, снедаемый непомерными амбициями, выслал меня, бывшего Наследного принца, в государство Мин в качестве заложника, да вдобавок смертельно боялся моего возвращения на родину. Распустите слух, будто это он сам распространил вести о моем похищении — внешне это направлено против императора государства Мин, но на самом деле должно было привести к моей гибели на чужбине. Пусть пустят молву, что в гнев из-за этой провокации Император государства Мин лично переломал мне руки и ноги и выставил на всеобщее обозрение у городской стены.

Цюй Мин счел этот план довольно рискованным — подобную ложь слишком легко разоблачить.

Гу Цинчжи пояснил:

— Дай мне немного прийти в себя и перетерпеть эту боль, потом снимем шины, и ты отвезешь меня к городской стене, чтобы выставить напоказ хоть на *chút*. В государстве Мин полно бродячих торговцев из Юэ — они увидят меня своими глазами и непременно разнесут весть на родине. Тогда эти три части правды придадут слуху такую убедительность, что даже оставшиеся семь частей лжи люди примут за чистую монету.

— Зачем всё это? — не понял Цюй Мин.

Гу Цинчжи улыбнулся:

— Когда будете распространять слухи, не забудьте добавить, что я лично обратился к Императору государства Мин с мольбой утолить его гнев на моей крови и вымолить благополучие для простого народа Юэ, добровольно согласившись на трехдневное публичное унижение в обмен на то, что Мин в течение десяти лет не посмеет напасть на Юэ. Я заработаю безупречную репутацию, Го Миньчжи лишится власти, а Император государства Мин, оказавшись в безвыходном положении, временно оставит Юэ в покое. К тому же, помогая государству Мин в войне, вы избавите себя от любых угроз с тыла.

Бойцы Армии Хубэнь выстроились за дверью комнаты — их прямые как стрелы спины не сгибались, а глаза покраснели у каждого, словно у белых кроликов.

Гу Цинчжи закрыл глаза и принялся безостановочно внушать себе, что никакой боли нет. Он, конечно, не обладал стратегическим гением своего предшественника, но за его плечами стояло гуманистическое воспитание двадцать первого века. Стоило ему лишь мысленно представить себе войну и гибнущих ни за что людей, как в жилах закипала кровь и смириться с этим не получалось. Он ломал голову над решением до боли в висках, но, увы, смог придумать лишь этот неуклюжий план.